

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНИН

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5279-4880; mullonen@krc.karelia.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ В ВЕПССКОМ ПРИОНЕЖЬЕ

А н н о т а ц и я . На материале ойконимов, то есть названий населенных мест, и их эволюции, зафиксированной в массовых исторических источниках начиная с конца XV века, прослеживается становление системы поселений на территории расселений северных вепсов. Реконструируются два основных пути вепсской миграции из южного Обонежья и Присвирья. Актуальность исследования состоит в выявлении смены моделей именования на протяжении веков, сопряженной как с социально-экономическим развитием территории, так и с закономерностями эволюции самой топонимической системы. Прибрежный тип поселения дополняется на рубеже XVII–XVIII веков сележным, обусловленным внутренней миграцией. В XIX веке появляется новая ойконимная модель, полностью совпадающая с антропонимом (*Habuk, Isak*) и связанная с реформой землевладения. Особое внимание уделяется бытованию ойконимов на двух уровнях: официальном (письменном) и неофициальном (устном). Показано, что из них первый отличался большей консервативностью, а второй активнее реагировал на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и др. Доказано, что широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных вепсских названий произошло в середине XIX века, в материалах 9-й и 10-й ревизий 1850 и 1858 годов. Эти названия бытуют и сейчас. Параллельно предложен ряд новых этимологий, основанных на народных вепсских формах календарных (*Išan* ← рус. диал. *Ишаня* ← календ. *Иван*) и некалендарных (дер. *Vanhimansel*': антропоним **Vanhim* ← вепс. *vanhim* 'самый старший') имен.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ойконимия, антропонимия, вепсский язык, поселения, писцовые книги, ревизские сказки, Карелия

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (тема 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Муллонен И. И. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

ВВЕДЕНИЕ

Территория расселения северных (или прионежских) вепсов тяготеет к юго-западному побережью Онежского озера. Еще во второй половине XX века целая россыпь небольших деревень располагалась в глубине материка, на лесных озерах и реках. Сейчас же основные населенные пункты (Шокша, Вехручей, Шелтозеро, Рыбрека, Каскесручей, Гимрека) прилегают к автомобильной дороге Петрозаводск – Вознесенье, проложенной вдоль побережья Онежского озера. В стороне от нее сохранились два поселения (Горнее и Матвеева Сельга), представлявшие в прошлом кусты

из нескольких деревень. Большинство из них отмечено в самых ранних массовых письменных источниках – писцовых книгах 1496 и 1563 годов, со страниц которых они предстают как уже разросшиеся гнезда поселений, наименования которых остаются на протяжении столетий неизменными. Таким образом, самые ранние этапы формирования поселенческой сети не отложились в документах. Есть лишь редкие косвенные свидетельства, позволяющие реконструировать некоторые их аспекты.

В данной статье по методике, предложенной М. В. Витовым [2], [3], прослежено поэтапное

становление поселенческой структуры в ареале расселения северных вепсов в Прионежье на протяжении практически пяти столетий. Используются материалы писцового дела XV–XVIII веков, ревизий XVIII–XIX веков и списки населенных мест XIX–XX веков. Привлечена также современная вепскоязычная топонимия, которая собиралась в ходе полевого обследования на рубеже 1980–1990-х годов и хранится в Научной картотеке топонимов Карелии (далее КТК). В ряде случаев она сохраняет память о старых поселениях и их привязках.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ

Вепское освоение западного Прионежья происходило с юга – из Присвирья и южного Обонежья. На это указывает древнее административное деление ареала. Северновепсская территория, которая сейчас осознается как единое целое – и в смысле географическом, и в плане языковом и историко-культурном, была в XV–XVII веках разделена административно таким образом, что южные поселения (Гимрека, Щелейки, Каскесручей, Рыбрека) входили в состав Оштинского погоста, в то время как северные (Шокша, Шелтозеро) – размещались на окраине Остречинского погоста Обонежской пятины. Центры обоих погостов располагались за пределами современного вепского языкового ареала: в первом случае на южном берегу Онежского озера, во втором – на Свири. Не вызывает, однако, сомнения, что оба погоста объединяли земли с вепским населением. Вепскими обозначены некоторые ныне русские деревни, входившие в них, в позднем по времени «Списке населенных мест», составленном по сведениям 1873 года¹. В этом контексте показательно, что название реки *Остречи́ны*, притока реки Ивины, закрепившееся в наименовании Остречинского погоста, известно в вепском бытовании как *Ahnuz|d'ogi* 'окуневая река'. С учетом общего для Присвирья правила о вторичности русских речных именований по отношению к прибалтийско-финским топоним *Остречина* – результат ранней интеграции вепского топонима в русское бытование, в нем вепсская топооснова переведена диалектным новгородским словом *остре́ц* или *остре́ч* 'окунь' и оформлена русским «речным» суффиксом *-ина*, который традиционно использовался в западном Прионежье для адаптации нерусских потапонимов (напр., *Ивина*, *Марина*, *Важина* и др.).

Логично полагать, что территорию погостов объединяли водные пути, то есть северные деревни вепского Прионежья заселялись не вдоль

побережья Онежского озера, а по внутренним водно-волоковым путям, позволявшим выходить из бассейна реки Ивины на реки Шокшу и Шелтозерку, стекающие в Онежское озеро. Косвенным подтверждением существования такого пути служит название села *Шелтозеро* – вепс. *Šoutarv < Šoutjärv*. Село стоит не на озере, а на реке Шелте или Шелтозерке, поэтому название выглядит на первый взгляд нелогичным. Озеро с названием *Шолтозеро* обнаруживается на плане генерального межевания конца XVIII века² в истоках названной реки. Сейчас оно именуется *Домашним* – вепс. *Kodidärv*, при нем располагается куст поселений *Горнее* или *Горное Шелтозеро* – вепс. *Mägi* (mägi 'гора'), упомянутое уже в писцовых материалах XVI века. Очевидно, название поселения, возникшего первоначально «на Шолт-озери»³, на водоразделе с бассейном р. Ивины, было перенесено в процессе освоения территории в низовья реки, где возник новый куст поселений, перетянувший на себя функции центрального в округе.

Память о новгородском этапе истории несет еще одно топонимическое свидетельство. В составе села Рыбрека в писцовых материалах 1496 года отмечается поселение с названием «На Рыбежне Большой Двор»⁴, которое воспроизводится затем и в последующих писцовых книгах в виде «На Рыбежне ж большой двор монастырской приежей»⁵, «Против погоста Большой Двор»⁶, пока деревня не сливается со смежными небольшими селениями в составе Погоста⁷. *Большой Двор* – это новгородский термин землевладения, называющий селения, в которые свозился оброк из подвластных деревень. В случае Рыбреки землевладельцем выступал новгородский Спасо-Хутынский монастырь. После присоединения Новгорода к Москве и конфискации земель Большие Дворы перестали быть центрами боярского и монастырского землевладения, однако Рыборецкий погост оставался вотчиной Хутынского монастыря вплоть до начала XVIII века, что способствовало сохранению топонима, который фиксировался в документах в виде *Против Погоста Большой Двор* до конца XIX века.

Привлечение материалов актов, берестяных грамот и других источников, а также археологические данные позволили доказать, что боярские Большие Дворы существовали в Обонежье уже в XIII–XIV веках [12: 119]. Теоретически эта ранняя хронология допустима и для рыборецкого *Большого Двора*, а значит, и для поселенческой истории вепского Прионежья. Обычно принято считать, что этот регион, как малопривлекательный с точки

зрения земледельческого освоения, заселялся вепсами позднее, чем южное Присвирье. Тем не менее применительно к нему можно с уверенностью говорить о начальных веках II тыс. н. э.

Динамика поселенческой структуры прослеживается по сохранившимся материалам писцовых книг для южной части ареала, входившей в состав Оштинского погоста, с конца XV века, для северной, что была в составе Остречинского погоста, – с середины XVI века⁸. Можно констатировать, что к этому времени сформировались несколько основных, сохранившихся до сегодняшнего дня так называемых гнезд, или кустов, поселений, тяготеющих к побережью Онежского озера. Рисунок наглядно демонстрирует,

что структура южной части ареала с XV века практически не подверглась изменениям. Удивительно, что не только крупные кусты поселений, но и отдельные одиночные деревни отмечены более пяти столетий назад. В писцовых книгах XV–XVI веков упомянуты поселения *На Хем-реке* (совр. Гимрека – Hiimd’ogi), *На Рыбже* (Рыбрека – Kalag’), *На Касть-ручью* (Каскесручей – Kaskez), *На Ропе-ручью* (Ропручей – Ropci), но кроме них *Самойловская* (совр. Кукоев Конец – Kukagd’) и *Агафоновская* (Первакова – Pervakad), а также *Ларионовская* и *Артемовская* в составе Щелецкой волости (вепс. Kal’l’) по крайней мере с 1563 года. Меняются названия, но деревни продолжают свою жизнь.

Поселения вепского Прионежья
Settlements of the Veps Prionezh region

В северной части северновепского ареала ситуация иная. Здесь писцовые материалы XVI века фиксируют несколько поселенческих центров: *В Залесьи* (Залесье – Mesantaga), *На Шокше-речке* (Шокша – Šokš), *На Шелте-реке* или *На Шолтозерке* (Шелтозеро – Šoutarv’), у *Шолтозера* (Горнее – Mägi). Заметное прирастание происходит в XVIII веке: в 1-й ревизии 1720 года впервые отмечено *Ржаное Озеро*⁹, в переписи 1726 года

*Вангиман-селга*¹⁰, а в Переписной книге 1749 года «новопоселенные после прежней переписи новые починки» *Вехк-ручей* (совр. Вехручей – вепс. Vehkei), *Кюря-селга* (позднее Курселга; совр. Матвеева Сельга – вепс. Matfejansel’g), *Леванова Сельга*¹¹.

Ревизские сказки конца XVIII века дополняют этот список целой россыпью деревень, возникших на сельгах и при лесных озерах в окрестностях

с. Шокша: *Осиновая* (совр. Габшема), *Масляная Гора*, *Великий Ручей* (совр. Тахкручей), *Качезеро*, *Лутозеро*, *Федоровская* (совр. Ишанино) и др. На фоне Рыборецкой волости, где материалы переписи 1748 года фиксируют только придорожный *Новый починок*, для которого в ревизии 1850 года приведено также второе название *Каккарова*, такое разрастание поселенческой сети не может не обратить на себя внимания и требует объяснения. XVIII век, относительно спокойный, без войн и сильных потрясений, способствовал росту населения в старых поселениях, где свободных земель для пашни и сенокоса уже почти не было. Это привело крестьян к освоению пригодных для сельского хозяйства земель на Шокшинской гряде¹², в пределах бывших Шокшинской и Шелтозерской волостей. При этом на территории исторической Рыборецкой волости за пределами рано освоенной прибрежной зоны практически не было пригодных для земледельческого освоения земель. Здесь местность изобилует водораздельными болотами, нет озер, побережья которых привлекают поселенцев. Недаром в условиях дефицита земель население издавна специализировалось здесь на каменотесном (в селах Рыбрека, Другая Река) и рыболовном (в селе Каскесручей) промыслах.

XIX век практически не породил новых поселений, что заметно на фоне ряда других районов южной Карелии, например Сямозерья [1]. Это, видимо, связано вновь с отсутствием свободных земель, пригодных для сельскохозяйственной обработки. В Рыборецкой волости в 9-й ревизии середины XIX века впервые упомянута *Телаорга*, в Шелтозерской в это же время – *Габукова*.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ VS. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ОЙКОНИМЫ

Динамика формирования поселенческой сети, прослеживаемая по данным массовых источников (переписи, ревизские сказки, списки населенных мест), не всегда совпадает с динамикой развития самой ойконимической системы. Имеется в виду, что названия, зафиксированные еще в ранних памятниках, в целом достаточно устойчивы. Это утверждение актуально прежде всего применительно к именованиям кустов поселений, восходящих к наименованиям природных объектов. В меньшей степени устойчивость свойственна наименованиям некоторых одиночных деревень, входящих в эти гнезда и имеющих отантропонимные истоки.

Сквозной просмотр линейки документов позволяет увидеть, что значительная, если не подавляющая часть отыменных ойконимов, прослеживающихся еще с XV–XVI веков, сменяется в середине XIX века другими – тоже антропонимными – именованиями. Эта смена четко фиксируется 9-й ревизией 1850 года, в единичных случаях – несколько раньше (в 8-й ревизии 1834 года) или несколько позднее (10-й ревизии 1858 года). При этом новые названия, зафиксированные в это время, закрепляются в последующих документах и доходят, как правило, до наших дней. Они воспроизводятся и в вепской устной практике в соответствующем вепском виде.

В качестве примера привлечены именования поселений, входящих в куст поселений Горное Шелтозеро – вепс. Mägi (mägi ‘гора’), который имел достаточно четкую структуру. В предвоенное время он объединял пять деревень. Ниже приведена таблица, отражающая динамику смены ойконимов.

ПК 1582	РС 1850	СНМ 1926
Селюковская	Сорокина Гора (<i>Селюковская</i>)	Сорокина Гора – Haraganmättaz
Степановская	Тихоништа (<i>Степановская</i>)	Тихоништа – Tihoništ
Федоровская	Федоровская	Федоровская – Fedorišt
Кириловская на Шолтозере	Сюрья (<i>Кирилловская</i>)	Сюрья – Sürd’
Маличинская	Калинин Остров (<i>Малигинская</i>)	Калин Остров – Kal’l’ansar’

В списке 1926 года¹³ официальные русские топонимы выглядят как результат адаптации вепских оригиналов в русское бытование. Из перечисленных в них пяти ойконимов четыре фиксируются впервые в ревизских сказках 1850 года¹⁴, которые, в свою очередь, являются связующим звеном, позволяющим выявить преемственность между поселениями XVI века¹⁵ и современными, ибо приводят оба названия:

наследуемое со времен писцовых книг и функционирующее в современной системе. Без материалов 9-й ревизии во многих случаях установить связь было бы затруднительно.

В связи с этой таблицей возникают два взаимосвязанных друг с другом вопроса: почему в середине XIX века произошла такая кардинальная смена именований поселений и откуда взяты новые названия? При этом следует понимать,

что данный процесс был характерен не только для вепских волостей. Он доказан для Кижской волости [4] и актуален для людиковского Прионежья [10]. Видимо, на самом деле он носил масштабный характер и был санкционирован каким-то специальным документом, который, к сожалению, не удалось пока отыскать. Такая корректировка была вызвана закреплением в официальной практике народных именований. В ранних писцовых и переписных книгах закрепились двухчастная формула именования, включавшая географический компонент (по месту расположения) и антропонимический (по имени или патрониму поселенца): *На Рыбежне Федоровская, На Шокши реке словет Силковская* и т. д. Будучи единожды записанным, название, как правило, затем переходило из реестра в реестр, воспроизводя первичный антропоним. Для официального уровня именования эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. Однако в устной народной среде такой жесткой преемственности не было. Бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Здесь складывались свои системы именования, не привязанные жестко к официальным именованиям реестров. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, которые использовали формулу «а в волости зовут», «словет» или «тож» для приведения официального имени в соответствие с народным: ср. входящие в состав Шокши деревни в конце XVI века *Федотовская, Олжеговская тож* (Рыбрека), *Олексеевская, Ондреевская тож*¹⁶ (Шокша), *Патракиевская словет у часовни* и *На Шокши же Ребуевская словет Парфеевская*¹⁷, так что корректировки, вызванные переводом на официальный уровень народных именований, периодически проводились и прежде. Однако они не были столь масштабны, как в ходе 9-й ревизии. При этом понятно, что модификации на устном уровне бытования происходили и после ревизии, о чем убедительно свидетельствуют некоторые вепские отантропонимные названия небольших поселений, не совпадающие с официальными русскими наименованиями поселений, напр., *Onašk* – офиц. *Гузезеро*, *Ondr'ušk* – *Масляная Гора*, *Isak* – офиц. *Качезеро*. Очевидно, данные вепские ойконимы, в которых закрепилось именование жителя, возникли уже после середины XIX века и не успели войти в процесс перехода в статус официальных. Собственно, об этом свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропо-

нимам, в массе своей возникали на рубеже XIX–XX веков.

Другая ситуация во взаимоотношениях возникала, когда историческое название, зафиксированное в ранних источниках, затем на столетия исчезает из официальной практики и неожиданно появляется вновь в той самой 9-й ревизии, которая выносит в документальную сферу народные названия. В качестве примера приведем именование одной из деревень, входящей в состав села Шокши. Она отмечается как «*на Сюрге Ордевская*» в писцовой книге 1563 года, в последующие три века используется топоним *Ортомевская* или *Артемевская* и только в ревизии 1850 года вновь появляется *Сюръга*, которая доживает до наших дней и бытует как в официальном русском виде, так и неофициальном вепском (*Sürd'*). Аналогичный пример – дер. *Ропручей* (вепс. *Ropei, Ropoja*) в составе с. Рыбрека. Отмеченная в ранних источниках как *На Рыбежне ж словет на Рупа-ручьё*¹⁸, *На Ропо-ручьё*¹⁹, она затем исчезает со страниц реестров и карт, фиксирующих только отыменные названия отдельных деревень в составе Ропручья, вплоть до ревизии 1850 года, где фиксируется как *Ропручей*. Оба топонима, не будучи столетиями востребованными в документах, тем не менее не были утрачены, поскольку продолжали жить в вепской народной языковой среде, и вернулись в них, то есть документы, в ходе кампании по приданию официального статуса неофициальным именованиям. Видимо, заточенность официального уровня номинации на отантропонимные именования вела к факультативности в употреблении именования местности. *Сюръга* содержит в основе утраченный вепскими говорами термин **sürj, *sürd'* ‘возвышенность, вершина’ [9: 63], мотивированный расположением деревни на возвышенности. Второй пример *Ропручей* – результат адаптации оригинального вепского топонима *Ropoja*, в котором второй элемент *-oja* ‘ручей’, а первый допустимо связывать с вепс. *roppaz*, либо в значении ‘ледяной торос’, либо в том, которое фиксируется в родственных языках: ливв., люд. *ruopaz* ‘груда камней (на поле)’. В первом случае топоним обусловлен торосами, глыбами льда, которые образуются при впадении ручья в Онежское озеро. Вторая интерпретация связана с тем, что ручей вытекает из-под мощной скалы с названием *Kal'l'* ‘скала’, протянувшейся на несколько километров вдоль побережья Онежского озера. Именно здесь более трех веков назад зародились ропручейские разработки габбродиабазы, и местность изобилует камнями.

Взаимодействие двух уровней функционирования: официального и народного – один из важных элементов в механизме развития ойконима. При этом ведущим звеном в этом процессе является народная ойконимия, а официальная приводится периодически в соответствие с неофициальной. На каком-то конкретном этапе официальный ойконим может быть старше народного, однако в целом, в исторической перспективе, он вырастает из народного, вторичен по отношению к нему. В этом смысле можно говорить о том, что народный ойконим, собственно, старше официального. Другое дело, что недостаточно материалов, чтобы сказать, насколько старше. Редкая удача, если удастся документально доказать возраст народного топонима.

ИМЯ ЧЕЛОВЕКА В ОЙКОНИМИИ

Если исключить вторичные в качестве ойконимов образования, воспроизводящие готовый топоним (типа дер. *Tahkei* – рус. *Тахручей*), вся остальная совокупность ойконимов – и не только вепского Прионежья – с точки зрения типовых основ может быть сведена к трем основным группам: образования, в которых закрепились термины природных и культурных ландшафтов (*Haršom*: вепс. *haršom* ‘осинник’), так называемые ситуативные названия, характерные особенно для именования частей или концов внутри куста поселений (*Üližagd’* – Верхний Конец и *Alažagd’* – Нижний Конец в составе Шелтозера); посессивные топонимы, содержащие в основе именование человека. Последняя группа безраздельно доминирует над двумя другими, что, собственно, ярко характеризует сельскохозяйственный характер культуры.

Ойконимы – своего рода архив вепских народных форм календарных имен, уже утраченных из активного бытования. Многие из них воспроизводят гипокористические формы, бытовавшие в смежных севернорусских говорах (приводятся по [11]) и вошедшие в вепскую языковую практику:

Dimš – *Димшина Гора*: Димша ← Дмитрий или Никодим

Išan’ – *Ишанино*: Ишаня ← Иван

Mišukveh (-veh – суффикс с коллективной семантикой) – рус. Мишукова: Мишук ← Михаил

Zinkveh – *Зиникова*, в материалах XVIII века *Зинкова*²⁰: Зинка ← Зенон или Зиновий.

Во многих случаях вепская языковая практика настолько видоизменяет традиционный русский народный вариант антропонима, что он утрачивает видимую связь с последним, так что официальный русский ойконим транслитерирует вепскую основу, совсем не соотнося ее с русской. Дер. *Hamamättaz* (вепс. Нама ← рус. Фома) в составе Шелтозера передана по-русски в виде *Гамова Гора*, а не *Фомина Гора, каковой, по сути дела, является. Вепс. *Telaorg* в Рыборецкой волости в русском бытовании выглядит как *Телаорга*. В нем второй элемент -org ‘орга, т. е. дремучий лес, чащоба’, первый же не идентифицирован. Между тем зафиксированные в полевых материалах КТК вепские варианты названия *Terolg* и *Terugl* указывают на явную диссимилиацию двух *r* в топониме и позволяют реконструировать его первоначальный облик в виде *Tegaorg, где *Tera* ‘Терентий’.

Особый интерес представляют следы вепского некалендарного именослова. Их не так много, но тем ценнее каждое такое свидетельство. Ниже приведено несколько реконструкций, основанных на топонимах с территории бывшей Шокшинской волости, которая оказалась богата на такие примеры. Они обнаруживаются уже в ранней писцовой книге 1563 года, упоминающей, к примеру, дер. *Керзоевскую*: вепс. *kärz* ‘морда животного’, в переносной семантике ‘некрасивое лицо’, или дер. *Келасово* на Шокше²¹: вепс. *kelaz* ‘лжец, вран’. Прозвищная природа антропонимов хорошо прослеживается и по другим именованиям шокшинских поселений, сохранившихся до сегодняшнего дня. Среди них название деревни *Voinikišt* (рус. *Войниковская*) – одного из концов поселения Средь-Волость в составе с. Шокши. Он маркирован суффиксом -*išt* с коллективной семантикой, характерной для северновепской ойконимии, ср. дер. *Deremišt*, *Vasilišt*, *Fedorišt*, которые могут быть интерпретированы как ‘род Еремея или Еремеевы; род Василия или Васильевы; род Федора или Федоровы’. В этом ряду *Voinikišt* ‘семья, род *Voinik* или *Войниковы*’. Поселение ведет свои истоки, возможно, от дер. на Шокши реке *словом Воинковская*²². Происхождение антропонима затемнено, хотя в его истоках не исключается вепский аналог (**voinik*) карельского *voiniekka*, *voiniekku* ‘торговец масла’²³.

Дер. *Пинжаково* – вепс. *Pinč* ~ *Pinž* – тоже часть Средь-Волости. Именная природа ойконима подтверждается бытующей в Шокше фамилией Пиджаков, имеющей прозвищное происхождение, ср. вепс. *pinž* ‘вульва’²⁴. В одном ряду название дер. *Пижевичи* (Свирско-Оятский водораздел), а также ливвиковская фамилия *Piidžu* – рус. *Пижуев* и карел. дер. *Pižul* – рус. *Пижула* [5]. Прозвища или некалендарные имена, восходящие к наименованиям женских или мужских половых органов, нередки в прибалтийско-финской антропонимии [9: 96].

Ваньгимова Сельга – вепс. *Vanhimansel'g* – селенная деревня, возникшая в ходе сельскохозяйственного освоения водоразделов в XVIII веке в верховьях реки Шокши: *Явилась вновь Вангиман-селга*²⁵. Сохраняет родовое имя основателя поселения, вепс. **Vanhim*, от приб.-фин. *vanhin* < **vanhim* ‘самый старший’.

Гёрча – вепс. *Hörč* упоминается в документах как *Дерчевская* (*Герчевская*), *вновь заведенная*²⁶, *Герчековская* (*Герчевская*) *пустошь*²⁷. Судя по документам, просуществовав недолгое время на рубеже XVIII–XIX веков, название поселения исчезает из официальных источников. Однако оно известно в вепском неофициальном бытовании по сей день. Возникло на основе родового патронима **Hörč* или **Hörčak*, ср. *hörčak* ‘сильный, здоровый (о человеке)’²⁸. Прозвище, в свою очередь, появилось как метафора вепс. *hörč* ‘остожье (жердь с сучками для сушки сена, снопов)’. Конечный элемент *-k* в *hörčak* (см. исторический вариант топонима *Герчек[овская]*) должен квалифицироваться как суффикс с семантикой ‘подобный тому, что выражает производящая основа’. Впрочем, не исключается и другой путь развития метафоры: остожье → непокладистый человек, задира. Он естественен с позиций языкового образа и подтверждается косвенно аналогичным семантическим сдвигом в лексеме *kärbuz* ‘остожье’, но также ‘непокладистый человек’²⁹. Еще одно косвенное свидетельство в пользу такой возможной семантики антропонима обнаруживается в материалах ревизских сказок, где под 1795 годом отмечаются рядом два новых поселения: *Герчевская* и *Буторовская*, при этом первое вскоре исчезает из списков, а второе благополучно доживает с этим названием до СНМ 1873 года, где отмечается как часть поселения Средь-Волость. В этой связке важно то обстоятельство, что в именовании *Буторовская* скрыт русский диалектный термин *бутора* ‘упрямый человек’³⁰. Иначе говоря, рус. *бутора* и вепс. *hörč* семантически равнозначны, и в связке со смежным расположением деревень заманчиво полагать, что русское название – перевод вепского. Вепское ушло на неофициальный уровень, а русское стало его официальным соответствием. Это не какой-то уникальный случай для ойконимии Карелии, где нередко официальное название возникало как перевод народного вепского или карельского. В вепском Прионежье дер. *Сорокина Гора* – вепс. *Haragonmättaz* (*harag* ‘сорока’, *mättaz* ‘гора’) в составе с. Горнее, *Собакина Гора* – вепс. *Koiranmägi* (*koir* ‘собака’) в Другой Реке, *Средь-Волость* – вепс. *Kes'kul* < **Kes'kkülä* в Шокше и др.

В целом таких названий поселений, как *Буторовская*, то есть опирающихся на русские некалендарные имена и прозвища, единицы: дер. *Ожеговская* в составе Рыборецкой волости, *Кудряцовская* в Шелтозере, *Гороховская* в Шокше в XVIII–XIX веках, *Первакова* (вепс. *Pervakoi* или *Pervakad*) в составе Рыборецкой волости (см. мотивацию русских имен в [7: 392]). Каждое из них дает повод задуматься об их появлении в сугубо вепской среде. Помимо перевода, калькирования оригинального вепского ойконима на русский язык за ними теоретически может стоять русский поселенец или же русское имя могло быть усвоено в вепское бытование. Последний случай разобран Д. В. Кузминым [6] применительно к карельской топонимии.

Ойконимический материал северновепского Прионежья позволяет наметить один важный с точки зрения этнокультурной истории ареала поворот – следы карельского именослова в вепском Прионежье. Он обоснован тем, что в языковом и культурном наследии этой территории прослеживаются отчетливые карельские вкрапления [8]. Понятно, что в силу единых истоков вепской и карельской традиций карельские следы в топонимии обнаруживаются только на основе дифференцирующих карельских маркеров, отличающих карельское в истоках своих именовании от вепского. Таковыми могут быть специфические карельские отантропонимные основы или фонетически дифференцированные именовании. К первым можно, очевидно, отнести название деревни *Каккарово*, упомянутой в составе Рыборецкой волости в 1748 году как *Новый Починок* и под этим названием известной последующим документам. Как *Каккарава* топоним квалифицирован в ревизии 1850 года, что, как уже понятно в контексте анализа взаимоотношения официальных и неофициальных ойконимов, не означает, что он появился только в середине XIX века. В это время он, будучи народным, лишь перешел в статус официального.

К сожалению, нет надежной документальной базы для установления времени рождения народного ойконима. В принципе ничто не мешает полагать, что он появился одновременно с появлением самого поселения в XVIII веке и в нем закрепилось родовое имя основателя поселения **Kakkara*. Соответствующий апеллятив отсутствует в вепских говорах, зато хорошо известен карельским как *kakkaro* ‘катыш’³¹, *kakkara* ‘ком, комок; кусочек теста; кучка навоза округлой формы’, *kakkareh* ‘небольшой шарик из теста, который раскатывается в пирожок’. С позиций именовании человека существенно то, что основа

востребована в карельских говорах в переносной семантике: *kakkaraine* ‘маленький ребенок’, *kakkareh* ‘маленький ростом, щедедушный ребенок’, *kakkerō* ‘о маленьком, хилом на вид человеке’³². Этот ряд подтверждается и материалами восточных финских говоров, где примерно в такой же прямой и переносной семантике бытует *kakkara*, *kakara*. Слова этой группы никак не проявились в вепских говорах, так что истоки ойконима логично искать в карельском языке.

Второй пример – название исторической деревни *Изинская*³³, *Хизинская* или *Гизинская*³⁴ в составе Шокшинской волости, вошедшей позднее в состав шокшинской деревни Васильевская³⁵. В ее истоках логично реконструировать антропоним **hiizi* ← карел. *hiizi* ‘черт, леший’. Прозвищные именованья с подобной семантикой хорошо известны в карельском именослове. Обращение к карельскому, а не вепскому источнику обусловлено специфически карельской фонетической особенностью: свистящий *z* в позиции после *i*. Вепский аналог имел вид *hiž*, в позиции после *i* здесь закономерно выступает *ž*. Оба топонима могли возникнуть в результате карельского (точнее, собственно карельского) проникновения в Прионежье в XVIII веке.

В заключение еще один важный сюжет в контексте этой статьи, связанный с функционированием имени человека в ойконимии. Анализ структурных моделей отантропонимных именованья выявил связь некоторых из них с хронологией рождения ойконимов и их ареальным членением. Привлечение письменных источников убедительно доказывает, что модель «антропоним + Сельга / -сельга», в которой вепс. *sel’g* ‘сельга, гора, поросшая лесом, использовалась под разделку подсек’, актуализируется в первой половине XVIII века, именно в это время впервые в источниках упоминаются Ваньгинова Сельга (в виде *Вангиман-селга*) / *Vanhimansel’g*, Матвеева Сельга (как *Кюря-селга*) / *Matfejansel’g*, Леванова Селга / *Levonansel’g*, в конце века *Крюкова Сельга* (первоначально, начиная с переписи 1749 года, бытует под именем Шокшезеро) / *Krik*, *Krikunsel’g*. К этому же времени относится и появление «сележных» поселений в соседней Ладвинской волости: *Ужеселга* упоминается в 1707 году, *Педаселга* и *Ревселга* в 1720 году. Данный топонимический факт служит маркером внутренней миграции, развернувшейся в XVIII веке в связи с потребностью освоения свободных земель, пригодных для земледелия.

Своей четкой спецификой на этом фоне обладает модель «антропоним + Гора» (вепс. детерминант *-mättaz* ‘горка’), использующая другой термин возвышенного рельефа. Ойконимы модели *Минина Гора* / *Minamättaz*, *Мелькина Гора* / *Mel’kamättaz*,

Петрова Гора / *Pedrimättaz* маркируют деревни, входящие в состав кустов поселений. К сожалению, нет четких критериев для обоснования возраста этой модели, поскольку она поздно появляется на официальном уровне именования. Как правило, первые фиксации относятся к 9-й ревизии 1850 года, которая, как выше отмечалось, выводила в сферу официального бытования народные ойконимы, установить доподлинно время появления которых невозможно. Вот как выглядит, к примеру, последовательный ряд упоминания в реестрах деревни Минина Гора в составе села Шелтозеро:

Дер. Елексеевская (1582) → пустошь Олексеевская (1617) → что была пустошь Алексеева у речки Шелтозерки (1707) → что была у речки Шелтозерки пустошь (1749) → что была у речки Шелтозерки пустошь (1782) → у речки Шелтозерки \ Минина Гора (1850) → вепс. *Minamättaz*.

Ойконим *Минина Гора* отмечен документально в середине XIX века, хотя последовательное привлечение доступных источников доказывает, что само поселение зафиксировано уже в писцовой книге XVI века. Последующие реестры ориентировались на первую запись, при том, что на какое-то время на рубеже XVI–XVII веков деревня запустевала. Не исключено, что народное именование могло обновиться как раз на этапе возрождения поселения на месте пустоши, однако доказать это невозможно. В плане типологии существенно, что модель воплотилась также в соседней с Шокшинской исторически вепсской Ладвинской волости на р. Ивине, где, по материалам КТК, около десятка поселений имеют в своем названии элемент *Горка* (*Канашкина Горка*, *Курикова Горка*, *Трешкина Горка*, *Фенькова Горка* и т. д.). При этом, однако, модель оказалась не востребованной в ойконимии Рыборецкой волости, как, впрочем, и соседней Оштинской волости. Какие за этим размежеванием стоят процессы – пока не вполне ясно.

Выявляется еще одна показательная в плане хронологии модель: простые по структуре ойконимы, по форме совпадающие с антропонимом: дер. *Isak* (рус. Качезеро), *Ondr’ušk* (рус. Масляная Гора), *Išan’* (рус. Ишанино), *Onašk* (рус. Гузозеро), *Lučk* (рус. Лучкина Гора), *Habuk* или *Habukad* (рус. Габуки или Габуково) – антропоним *Habuk*, фамилия жителей Габуковы (вепс. *habuk* ‘ястреб’) и др. Часть этих топонимов фиксируется начиная с середины XIX века, другие вообще не отразились в письменных реестрах, то есть не успели обзавестись письменной историей. На официальном русском уровне бытования продолжают использоваться исторически более ранние именованья, как правило, не

антропонимные по своим истокам. Историческим фоном формирования этой ойконимной модели являются события пореформенного устройства крестьянства в конце XIX века и Столыпинской реформы начала XX века. Они были связаны с созданием слоя хозяйственно активных земельных собственников, что и отразили их неофициальные, реже официальные именованья.

ВЫВОДЫ

Становление ойконимической системы вепсского Прионежья, засвидетельствованное документально, происходило на протяжении последних пятисот лет. Действовали разнонаправленные тенденции: с одной стороны, стремление официального уровня именования к стабильности, с другой – нестабильность народной ойконимии. Доказано, что взаимодействие двух уровней функционирования: официального и народного – один из важных элементов в механизме развития ойконима. Об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий убедительно свидетельствуют поле-

вые материалы, которые в целом ряде случаев демонстрируют несовпадение официального и народного ойконима. Последние появились позднее, чем произошла глобальная корректировка ойконимической системы середины XIX века, зафиксированная в 9-й ревизии и связанная с выведением народной ойконимии на официальный уровень именования. Современные официальные именованья в целом наследуют традицию, сложившуюся в то время. Однако народная ойконимия продолжала развиваться и видоизменяться и после этого, что и засвидетельствовали многие вепские именованья деревень, не совпадающие с русскими.

В становлении и развитии ойконимической системы региона ведущую роль сыграла антропонимия, ибо абсолютное большинство наименований поселений образовано от календарных или некалендарных имен. При этом выявилась хронологическая и географическая приуроченность определенных моделей номинации, которые, таким образом, могут быть маркерами формирования самой поселенческой структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СНМ 1873 – Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Типография МВД, 1879. ХСV, 235 с.
- ² План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты – 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ (дата обращения 15.03.2021).
- ³ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печати А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 108.
- ⁴ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г.... С. 37.
- ⁵ Там же. С. 236.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8578. 1707 г. Книга переписная Оштинской половины Олонецкого уезда Михаила Ларионовича Мордвинова. 597 л. Подлинник. Л. 315 об.; РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2377. Л. 1102 об. 1748 г. «Книга переписная мужеска полу душам Новгородской губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воеводской канцелярии монастырским, государственным, помещицким и архирейским крестьяном». [Оштинская половина]. Л. 574 об.–576.
- ⁷ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Типография МВД, 1879. ХСV. С. 15.
- ⁸ Писцовые книги 1496 года не сохранились по территории Остречинского погоста.
- ⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2360. 1720 г. [1-я ревизия. Итоговая] «Выписка города Олонца и уезду о душах мужского полу». Л. 19 об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». Л. 74 об.–75.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году». Л. 259–280.
- ¹² Благодарю за консультацию, связанную с историческим фоном развертывания поселенческой структуры в вепском Прионежье, а также расшифровку материалов XVII–XVIII веков ст. науч. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН А. Ю. Жукова.
- ¹³ Список населенных мест Карельской АССР: (по материалам Переписи 1926 года) / Сост. Статистическим Управлением АКССР. Петрозаводск: Изд. Стат. Управл., 1928. XVI. С. 54.
- ¹⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 63/600. [9-я ревизия]. 1850 г. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой волости Шелтозерского Горного мирского общества, приписных к Олонецким заводам деревни.

- ¹⁵ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ., ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г.... С. 57–254.
- ¹⁸ Там же. С. 237.
- ¹⁹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1496 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 38.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2377. Л. 1102 об. 1748 г. «Книга переписная мужеска полу душам Новгородской губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воеводской канцелярии монастырским, государственным, помещицким и архиерейским крестьяном». [Оштинская половина]. Л. 582 об., 584 об.
- ²¹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г.... С. 110.
- ²² Там же. С. 106.
- ²³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 678.
- ²⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 419.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л. Л. 74–75 об.
- ²⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/70. [5-я ревизия]. 1795. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Шокшинской волости, приписных к Олонецким Петровским заводам. Л. 33.
- ²⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/229. [6-я ревизия]. 1811. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой вотчины Шелтозерской Бережной, Шокшинской, Шелтозерской Горной, Щелейской, Гиморецкой, Рыборецкой волостей. Л. 60.
- ²⁸ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка... С. 142.
- ²⁹ Там же. С. 262–263.
- ³⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л.: Наука, 1968. С. 313.
- ³¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Н. Г. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 119.
- ³² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, II, 1997. S. 19.
- ³³ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году». Л. 244–245 об.
- ³⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/70. [5-я ревизия]. 1795. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Шокшинской волости, приписных к Олонецким Петровским заводам. Л. 31 об.
- ³⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 63/599. [9-я ревизия]. 1850 г. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Рыборецкой волости Шокшенского (Шокшинского) мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Л. 1 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А. Эволюция ойконимической системы Сямозерья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540
2. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 290 с.
3. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1974. 190 с.
4. Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле: Сб. ст. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 229–256.
5. Карлова О. Л. -Л-овая модель в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 230 с.
6. Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 9–35. DOI: 10.15826/vop_onom.2020.17.2.016
7. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
8. Зайцева Н. Г., Муллонен И. И., Мызников С. А., Жукова О. Ю., Бродский И. В. Лингвистический атлас вепского языка. СПб.: Нестор-История, 2019. 574 с.
9. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
10. Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолудийском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131
11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
12. Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 162 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carelica.petrus.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (дата обращения 15.03.2021).

Поступила в редакцию 09.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Irma I. Mullonen, Dr. Sc. (Philology), RAS Corresponding Member, Professor, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5279-4880; mullonen@krc.karelia.ru

TOPONYMIC MARKERS OF THE SETTLEMENT NETWORK EVOLUTION IN VEPS PRIONEZHYYE

Abstract. The author investigates oikonyms (names of settlements) and their evolution recorded in mass historical sources starting from the late XV century in order to trace the formation of a system of settlements in the territory inhabited by the northern Veps. Two main routes of the Veps migration from the southern Lake Onega and the Svir River regions are being reconstructed. The relevance of the study is determined by identifying the change in naming models over the centuries associated with both the socio-economic development of the territory and with the patterns of the toponymic system evolution. At the turn of the XVIII century, due to internal migration the coastal type of settlement gave way to the mudflow type. In the XIX century, a new oikonymic model emerged, which fully coincides with the anthroponym (*Habuk*, *Isak*) and is associated with the land tenure reform. Particular attention is paid to the existence of oikonyms at two levels – formal (written) and informal (oral) ones. The former was more conservative, while the latter responded more actively to the changes in circumstances related to the settlement's life, changes in household ownership, etc. It is proved that the widespread introduction and consolidation of popular Veps names in official practice took place in the middle of the XIX century, in the records of the 9th and 10th censuses of 1850 and 1858, respectively. These names are still in use today. The author also proposes a number of new etymologies based on the folk forms of calendar (*Išan* ← Russian dial. *Ishan* ← calend. *Ivan*) and non-calendar (village *Vanhimansel* 'g: anthroponym **Vanhim* ← Veps *vanhim* 'oldest') Veps names.

Key words: oikonymy, anthroponymy, Veps language, settlements, cadastres, census records, Karelia

Acknowledgements. The publication was prepared as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (topic 121070700122-5 "Fundamental and Applied Research in the Finnic Languages of Karelia and Neighboring Regions").

For citation: Mullonen, I. I. Toponymic markers of the settlement network evolution in Veps Prionezhyye. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

REFERENCES

1. Afanasyeva, A. A. Evolution of the oikonymic system of Lake Syamozero territory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540 (In Russ.)
2. Vitov, M. V. Historical and geographical essays about Zaonezhyye of the XVI and the XVII centuries. The history of rural settlements. Moscow, 1962. 290 p. (In Russ.)
3. Vitov, M. V., Vlasova, I. V. Geography of the rural settlement of Western Pomor coast between the XVI and the XVIII centuries. Moscow, 1974. 190 p. (In Russ.)
4. Vorobyova, S. V. Villages of the Kizhi volost between the XVI and the early XX centuries (according to archival sources). *The Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on Zaonezhyye land: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2014. P. 229–256. (In Russ.)
5. Karlova, O. L. -L-model in the toponymy of Karelia: Diss. Cand. Sc. (Philology). Petrozavodsk, 2004. 230 p. (In Russ.)
6. Kuzmin, D. V. To the reconstruction of the ancient Karelian anthroponymicon. *Problems of Onomastics*. 2020;17(2):9–35. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016 (In Russ.)
7. Kyurshunova, I. A. Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames in northwestern Russia between the XV and the XVII centuries. St. Petersburg, 2010. 672 p. (In Russ.)
8. Zaitseva, N. G., Mullonen, I. I., Myznikov, S. A., Zhukova, O. Yu., Brodsky, I. V. Linguistic atlas of the Veps language. St. Petersburg, 2019. 574 p. (In Russ.)
9. Mullonen, I. I. Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
10. Mullonen, I. I., Zhukov A. Yu. Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area. *Nauchnyi Dialog*. 2020;5:113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131 (In Russ.)
11. Petrovsky, N. A. Dictionary of Russian personal names. Moscow, 1984. 384 p. (In Russ.)
12. Spiridonov, A. M. Western Prionezhyye: from the "Sami Iron Age" to the Middle Ages. Petrozavodsk, 2014. 162 p. Available at: http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (accessed 15.03.2021). (In Russ.)

Received: 9 April, 2021; accepted: 30 July, 2021